ПУБЛИКАЦИИ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ Б. А. ФОХТА

А. Г. Вашестов

Бо́рис Александрович Фохт родился в Москве 10 марта 1875 г. в семье профессора медицины Московского университета Александра Богдановича Фохта. В 1894 г., окончив 1 городскую гимназию, он поступил на физико-математический факультет Московского университета и в 1899 г. получил диплом первой степени по отделению естественных наук (дипломная работа: «Сравнительно-анатомический очерк кровеносной системы у позвоночных животных»). Прилежного студента-естественника, между тем, все более привлекали гуманитарные науки. Этой склонностью он, конечно, был обязан и гимназии: «при том, что классическая гимназия вообще была ориентирована на первоочередное изучение древностей, первая Московская славилась их углубленным изучением, ученики разыгрывали латинские и древнегреческие драмы, соревновались в декламации и в писании сочинений на латинском и древнегреческом»[1], но в первую очередь той интеллектуальной атмосфере, которая сложилась в России и в Москве проявилась, как нигде. Уходящее столетие, подобно рубежу человеческой жизни, требовало подведения итогов, прояснения жизненных смыслов, «это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зори, соединяли чувство заката и гибели с чувством восхода и надеждой на преображение жизни. Но все происходило в довольно замкнутом круге, оторванном от широкого социального движения. Изначально в этот русский ренессанс вошли элементы упадочности. Иногда казалось, что дышат воздухом теплицы, не было притока свежего воздуха. Культурный ренессанс явился у нас в предреволюционную эпоху и сопровождался острым чувством приближающейся гибели старой России . . . Культурно-духовное движение того времени было своеобразным русским романтизмом, оно менее всего было классичным по своему духу»[2].

«Серебряный век» — время небывалого ранее общего интереса к философии. Время, когда не только ученый, но и всякий интеллигентный человек стремился обрести *личные* философские

убеждения. Философствовали не только гуманитарии, но и представители точных наук. Достаточно упомянуть высоко профессиональные сочинения членов московской математической школы (П. Е. Астафьев, Н. В. Бугаев, М. С. Аксенов и П. А. Некрасов). В условиях авторитарного режима философия осознавалась как выражение автономии личности. Власти смотрели на общее увлечение этой наукой с опаской, как на занятие неблагонадежное. Первый массовый философский журнал России назывался «Вопросами философии и *психологии*» (курсив наш. — *Авт.*), а «Московское психологическое общество» (на деле философское) было единственно разрешенной формой философских собраний. Еще более не нравилась начальству учеба студентов на философских факультетах зарубежных университетов, в этих «рассадниках крамолы и вольнодумства», пусть де юноши слушают своих, высочайше одобренных профессоров. Тем не менее потребность приобщиться к многовековой философской традиции и нужда в настоящем учителе любомудрия влекла молодых, увлеченных студентов за границу, в первую очередь в Германию, университеты которой считались тогда лучшими в мире. Разница семестровых промежутков позволяла учащимся в течение лета, не прерывая занятий в своем университете, слушать лекции философских знаменитостей. Виз не было, студенты копили деньги или получали их от родителей и отправлялись за рубеж сразу после сдачи курсовых экзаменов. Так поступил и Фохт: в 1896 г. он слушал лекции по логике, метафизике и истории новой философии у Куно Фишера в Гайдельберге, по дифференциальному исчислению у Кенигсбергера, в 1898 г. изучал физиологию и психологию в Берлине и Лейпциге, а сразу после окончания Московского университета, летом 1899 г., логику и теорию познания во Фрайбурге у Г. Риккерта и классическую филологию у Калбфлейша. Занятия философией все более захватывают Фохта. Несмотря на то что блестящее окончание университета позволяет ему остаться на одной из кафедр для подготовки магистерской диссертации, желание стать преподавателем философии заставило его снова сесть на студенческую скамью: осенью 1899 г. он записался на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Под руководством известных философов Л. М. Лопатина, С. Н. Трубецкого и А. С. Белкина он погрузился в изучение произведений Платона, Аристотеля, Лейбница и Канта. По окончании факультета (дипломная работа: «Учение Канта об априорности пространства и времени») Фохт был оставлен при кафедре для «приготовления к профессорскому званию». По существовавшему тогда правилу аспиранты направлялись в заграничную командировку на два года с окладом 150 руб. «Рубли эти, — вспоминает Н. Н. Алексеев, — были золотые и стоили в заграничной валюте двести с лишком германских марок и около трехсот французских франков. Сумма эта, при относительной дешевизне тогдашней жизни, превращала молодого человека во вполне обеспеченного путешественника, который имел только одну

обязанность, именно подготовку своей диссертации. Он мог жить в любой стране, мог разъезжать по всей Европе (виз тогда не существовало, и мой заграничный паспорт, на котором не было даже моей фотографии, я положил в карман и не вынимал до возвращения на родину). Командированный мог входить в общение с какими угодно научными и политическими кругами и впитывать в себя какие угодно идеи. Представление в министерство годового отчета о командировке было простою формальностью, и я сомневаюсь, читал ли кто-либо в Министерстве мои отчеты. Впрочем иногда, и по просьбе самого командированного, хорошие отчеты печатались в журнале Министерства народного просвещения»[3]. Фохт выбрал Марбургский университет (туда ему удалось получить две командировки, в 1906 и 1907—1908 гг.) и слушал лекции, главным образом по логике и теории познания, у Г. Когена и П. Наторпа, эпизодически у П. Менцера и Н. Аха. О тогдашнем характере преподавания определенное представление дает сохранившаяся переписка Б. А. Фохта с Г. О. Гордоном за 1906—1907 гг.[4] Из нее мы узнаем, что Фохт считался лидером марбургского неокантианства в России. Кстати говоря, направление это пользовалось в России особой популярностью, как нигде в мире. Для немцев самым престижным был тогда университет в Бонне, а самым популярным философским центром Гайдельбергский университет, где читал свои блестящие лекции по истории философии В. Виндельбанд. В России к марбургской школе примыкали В. А. Савальский, Г. О. Гордон, Н. В. Болдырев, А. В. Кубицкий, Г. Э. Ланц, В. Э. Сеземан, Н. Н. Алексеев, Н. А. Гартман (позднее профессор Марбургского университета), М. Каган, А. Вейдеман. Все они считали себя «неокантианцами», но, как метко заметил Мюллер-Фрейенфельс, «не лишено юмора видеть, как все эти проницательные мыслители, задавшиеся целью найти чистого Канта, при всей своей проницательности все же в своих интерпретациях прежде всего вложили в Канта свои собственные мысли и как раз этим документировали свое философское значение. Поэтому неопределенное понятие „нео-кантианства" и не обозначает какой-либо единой школы, но служит собирательным обозначением для очень различных направлений, у которых общее лишь то, что они говорят языком Канта»[5]. Исправляющие Канта Платоном Коген и Наторп, как нельзя лучше отвечали запросам Фохта, ученика С. Н. Трубецкого[6] и поклонника античной философии. Близка ему была и математическая ориентация марбургской школы, ее методологический монизм и та систематическая ясность, что позволяла считать Г. Когена одним из самых сильных германских мыслителей[7]. Подкупали и личностные качества учителей. По воспоминаниям Н. Н. Алексеева, «к Когену можно было зайти запросто вечером, распить бутылку хорошего рейнвейна и проговорить, проспорить до поздней ночи». Вообще тогдашний стиль преподавания предполагал неформальные отношения: регулярно устраивались семинары на дому, после которых профессор угощал студентов чаем. Эта интимная атмосфера приобщения к мудрости порождала то

подлинно-романтическое философское горение, которое собственно и является смыслом любомудрия. Это «лампада Эпиктета», которая озаряет житейский мрак и согревает душу.

В Москву из далекого Марбурга Фохт принес поэзию философского творчества, пафос и темперамент, столь чаровавший его слушателей. Вот как писал о нем А. Белый. «Порывистый, бледный, бровастый, он взвил в круг моих жизненных встреч каштановую свою бороду и свои турьерогие кудри; и в мир трансцендентальных априори силился меня унести, с видом пленяющим молодцеватого рыцаря, пленяя курсисток восторженных, Борис Александрович Фохт — „Мефистофель", склоненный к шестидесятипятилетнему и одноглазому старцу Когену, воздвигшему в Марбурге трон, точно к Гретхен, Молоху сему экспортировал юношей, им соблазненных философией Когена; точно налаживал рейс „Москва—Марбург" [(из письма Гордона Фохту от 28.1.1907 г.). „Я рассказал ему (Наторпу. — *А. В.*), что Вы едете летом сюда и везете с собой целую банду учеников и учениц. Он крайне обрадовался, потирал себе руки и все говорил: ах, ах, шён, шён")], пока не поехали ... московские юноши ... к философу Гуссерлю.

... я не встречал никого, кто бы так умел пропагандировать Канта; его внедрение на трудное место у Канта звучало как романс. ... Ни в ком не встречал я такого умения в лепке абстракций чудовищных; в наших мозгах ... трогала зоркость Фохта к логическим сальтомортале в мозгах его паствы; он показывал пальцем на малую полочку томиков и восклицал: „Где ее изучить? И трех жизней не хватит!" Тут стояли Кант, Фаингингер, Наторп, Коген. Он считал: философия, чистая, вся — от Когена до Канта; от Канта к Когену; а прочая „нечистота" — отсебятина, гниль; он не „прел" уже с риккертианцами, предпочитая в салоне выщипывать винные вишни, ему предлагаемые из коробки конфет юной дамой, плененной его мефистофельским профилем»[8].

Вернувшись в Москву, Фохт приступил к активной педагогической деятельности. С 1906 по 1918 г. он преподавал философию на Московских высших женских курсах, Московских педагогических курсах им. Д. И. Тихомирова, при Московском обществе народных университетов и в московских гимназиях. В это же время выходят его переводы книг Наторпа, Христиансена, Штанге, Шульца, статья о диссертации В. А. Савальского в «Критическом обозрении», в архиве хранятся его переводы Гёльдера и Когена. В 1910—1914 гг. литографическим способом был издан лекционный курс «Введения в философию» из четырех частей: введение в логику, введение в этику, введение в эстетику, введение в психологию. Литографически был издан также курс истории древней философии. С 1918 по 1922 г. Фохт преподавал логику в реорганизованном (первом) Московском университете и с 1918 по 1925 г. в Институте слова. В 1921 г. после представления и защиты на диспуте в Московском университете работы «О трансцендентальном методе в философии Канта» (pro venia legendi — на право чтения

лекций) Фохт получил право на профессорское звание и с января 1921 г. работал преподавателем, а с 1922 года профессором Ярославского государственного университета по предмету «История мировоззрений и эстетики». Борис Александрович был активным сотрудником ГАХНа (Государственной академии художественных наук), крупнейшего гуманитарного центра 20-х годов в нашей стране.

Конец 20-х годов замечателен не только коллективизацией, но и ставшей массовой практикой решительного вытеснения инакомыслящих. Если в 1922 г. философские оппоненты высылались из СССР, то теперь, несмотря на робкие зарубежные протесты, их травят и расстреливают. Полемические статьи в тогдашних философских журналах не просто доносы, они напоминают судебные приговоры. Впрочем, чудовищная вакханалия разоблачений и покаяний в первую очередь затронула ее идейных организаторов. В тогдашней атмосфере выживали те, кто уходил из философии. В 1929 г. был разогнан ГАХН, вскоре после этого — научно-исследовательский институт в Харькове. Судьба «бывших» философов, тех кто до революции успел высказать свои убеждения, была особенно тяжела. По мнению начальства, идеологическая зараза проникла в них слишком глубоко, поэтому к преподаванию философии их не допускали. Выбор работы в гуманитарной области был довольно ограничен: преподавание иностранных языков и переводческая деятельность. Борис Александрович Фохт с успехом подвизался на этих поприщах, да к тому же как естественник преподавал математику в вузах. С 1925 по 1937 г. он преподавал древние и новые языки в Институте красной профессуры философии, хотя удавалось вести и семинары по логике Гегеля, а после ликвидации этого института, с 1938 по 1941 г. работал профессором латинского и греческого языка в Юридическом институте прокуратуры СССР. С первого сентября 1941 г. преподавал латинский язык в Московском юридическом институте и Московском университете.

Правительственное решение о возобновлении преподавания формальной логики (до этого она считалась буржуазной лженаукой) и организация кафедры логики при Московском университете потребовало опытных педагогических кадров. После целого ряда анекдотических ситуаций (так, искали Г. И. Челпанова, умершего еще в 1936 г.), на кафедру были приглашены Б. А. Фохт, А. Ф. Лосев, П. С. Попов. К сожалению, общая атмосфера в стране — культ личности, сопровождавшийся идеологическим террором, — не благоприятствовала занятиям. Из-за интриг коллег Фохт вынужден был уйти в Московский областной педагогический институт, где до конца жизни состоял преподавателем логики. В это же время он подготовил перевод докритических сочинений Канта, «Философии духа» Гегеля и «Аналитики» Аристотеля. Остался после него и богатый архив неопубликованных произведений. В него входят подготовленные к печати учебник логики для вузов, курсы по истории логики, статьи о Канте, Наторпе, Кассирере,

переводы Гёльдера, Тренделенбурга и Когена, но главное, фундаментальный труд (более 800 стр.) по философии Аристотеля, охватывающий все грани философского наследия Стагирита. Стараниями вдовы Фохта, рукописи были перепечатаны на машинке и переплетены, но передать их в архив не удалось. После смерти вдовы тексты перешли на хранение к ученице Бориса Александровича, Гаревой Анне Аркадиевне. Благодаря ее самоотверженным усилиям они не только сохранились, но и были предоставлены для публикации.

* * *

Лекция Б. А. Фохта о Наторпе, не просто дань памяти ученика умершему в 1924 г. учителю. В те годы тема, затронутая Борисом Александровичем, была насыщена иным, чем теперь, содержанием и для современников говорила больше, чем для нас. Читал он ее в Москве в ГАХНе и в Доме ученых, читал в 1924—1925 гг. (наш текст датирован 20 апреля 1925 г.) и видимо с успехом, так как в его архиве имеется несколько вариантов.

Для нас, живущих в конце XX в., Марбургская школа, одно из направлений идеалистической философии конца XIX—начала XX в., — нечто, представляющее чисто историко-философский интерес. Для интеллигентных современников Фохта ее главные представители Г. Коген и П. Наторп — властители дум, создатели совершенной методологии наук и истинно научной философии, теоретики влиятельной в ту пору идеи этического социализма. Из современных нам учебников философии мы знаем о принципиальных расхождениях Г. Риккерта, Г. Когена, В. Шуппе, Р. Авенариуса, А. Риля, Э. Гуссерля, хотя все они представители философии науки, служители одной истины, добываемой согласованными и верифицированными методами. Из сущности философии вытекало и то, что как мыслители они пытались отразить в книгах свое мировоззрение, личное переживание мира.

Между тем до начала XX в. неокантианское движение в России и в Германии не дифференцировалось по противоположным направлениям. Кант был символом величия германского духа и каждый немецкий профессор (за исключением неотомистов) считал себя в широком смысле кантианцем. В конце века самым выдающимся современным мыслителем Германии в России считался Э. фон Гартман, ценили Р. Г. Лотце и Г. Тейхмюллера, но господствующими идеями были учения не немцев, а О. Конта. Дж. Милля и Г. Спенсера, французских спиритуалистов. Неокантианцев знали как историков философии (кстати, углубление историко-философской проблематики едва ли не самая важная из заслуг неокантианского движения). В России были переведены почти все работы Куно Фишера, Ф. А. Ланге, В. Виндельбанда, К. Форлендера и т. д., но полемику между ними по поводу интерпретации Канта воспринимали как спор специалистов, не имеющий общефилософского значения. Когена знали как глубокого

специалиста по Канту и только. Между тем именно благодаря его усилиям неокантианство вступило в новый этап своей эволюции. В борьбе с его построениями сформировалась школа Виндельбанда—Риккерта, но ни те ни другие не упоминали имен противников. Именно поэтому в последнее десятилетие XIX в. интерес к Марбургской школе в России был незначительным, например в журнале «Вопросы философии и психологии» с 1889 по 1909 г. были опубликованы всего одна рецензия на произведения Когена [9] и одна рецензия на книгу Наторпа [10]. Оригинальность подхода Когена состояла в том, что он первым (правда, здесь большую услугу ему оказали работы его рано умершего ученика Штадлера) попытался переписать всю философию Канта, исходя из идеи трансцендентального метода, который Кант разработал, но, по мнению Когена, не везде правильно применял. Коген решил исполнить завет Канта, понять и изложить идеи автора лучше его самого. Для этого Коген меняет архитектонику системы Канта. Последняя строится у него не на факте разделения способностей души (у Канта разум, желание (воля) и чувствование), а на фактах научного познания (математического и описательного естествознания). В своей «Кантовской теории опыта» он связывает вместе две первые части «Критики чистого разума» с содержательно иной аргументацией «Пролегомен» в теорию опыта математического естествознания, выбрасывает «Трансцендентальную диалектику», содержащую идеи рациональной психологии и теологии (в частности, так называемую вещь в себе), а взамен этого вводит положения, развитые Кантом во введении к «Критике способности суждений» и в статьях «Об употреблении телеологического принципа в философии» и «О философии вообще».

Такого способа построения здания *собственной* философии из блоков философии Канта европейская мысль не знала со времен неоплатоников. Впрочем, в первое десятилетие XX в., особенно после появления «Логики чистого познания», «Этики чистой воли», «Эстетики чистого чувства», книги Когена глубоко изучались в России людьми с философскими интересами. Характерно, что когда Андрей Белый в своих воспоминаниях хотел показать философскую отсталость Льва Лопатина, он упрекал его в том, что он познакомился с «Кантовской теорией опыта» только в 10-е годы. После появления в 1910 г. первых номеров журнала «Логос» все, даже самые незначительные произведения Когена и Наторпа рецензировались. В России, стране с многочисленным еврейским населением, Когеном увлекались еще и потому, что он претендовал на философское обоснование иудаизма, духовное руководство еврейским народом. «Он не только „оправдывает еврейство" с точки зрения основных принципов кантовской философии, но бывают случаи, когда эта последняя сама предстает перед форумом истин еврейства, заставляющих Когена вносить „корректив" в философию учителя, так что в создании общей „системы этики" Когена элементы еврейства участвовали в не меньшей мере, чем категории критического идеализма, и „этика" его с гораздо большим

основанием может быть названа *еврейской*, чем нравственно-философские исследования других, *специально* посвященных этому предмету (напр., „Этика иудаизма" Лацаруса)»[11]. В частности, исследователи этики Когена отмечают, что в противоположность Канту при определении нравственности, помимо моментов помыслов и побуждений, Коген подчеркивает момент поступка. Идее личного спасения Коген противопоставляет коллективное спасение через преображение человечества в «пределах истории» в живой и конкретной земной действительности. Причем необходимым условием «царства Божия» у него является социальная справедливость: здесь корни его «этического социализма». С лекциями по еврейскому вопросу Коген ездил по городам России, и они были тем единственным, что переведено на русский язык.

Чтобы понять, почему книги Когена не перевели до революции (после было не до философии), следует учесть, что тогда степень знания иностранных языков была выше, чем сейчас. В обыденном (или, если хотите, гуманистическом) понимании образованность означала знание древних языков, умение изъясняться на немецком и французском, писать по-русски без ошибок и употреблять в быту литературный язык. Переводы книг по философии выполнялись в первую очередь для гимназистов, студентов, и почти весь тираж раскупался гимназическими библиотеками. Соответственно подбирались и книги для перевода. Как правило, это были разного рода введения, популярные курсы лекций, общедоступные компендиумы. В первую очередь поэтому не переводились внушительные по объему работы Когена: написанные витиеватым, порой темным языком они были классическим чтивом для специалиста. Напротив, сочинения Наторпа, мыслителя вполне самостоятельного, воспринимались как популяризация (порой даже вульгарная, по мнению Зеньковского, сравнивавшего «Логику чистого познания» с «Логическими основами точных наук» Наторпа). Наторп написал хорошие введения в философию Марбургской школы. Небольшие по объему, они выполнены на самом высоком научном уровне. Кроме того, Наторп много занимался педагогикой, и пронизанные подлинно философским духом исследования на эту тему пользовались вниманием у гимназических учителей [12].

Популяризация и поздняя самостоятельность привели к тому, что ведущие русские философы предпочитали спорить не с Наторпом, а с Когеном. Он главный оппонент Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, серьезный противник Алексеева (Аскольдова). Тем не менее значение Наторпа для русской философии велико. Усвоение молодым поколением философов рационализма Марбургской школы сопровождалось явным разочарованием в пустом методизме, когда, по выражению Г. Зиммеля, философы только чистили очки, вместо того чтобы смотреть сквозь них. Однако идеи Когена и его последователей обладали преимуществом в ясности, глубине по сравнению с разработками других философов. Разрешить эти затруднения и помогла «Общая психология» Наторпа, его солидарность

с Гуссерлем в рецензии на «Идеи к чистой феноменологии» и других позднейших произведениях. Как справедливо отметил Х. Г. Гадамер, в указании на пути перехода от неокантианства XIX в. к неоплатонизму и спекулятивному идеализму и состоит главное значение этого мыслителя[13]. Молодые русские философы, последователи Марбургской школы, переходят от трансцендентального идеализма на позиции критического реализма и таким образом марбургская философия в России органически завершает свой жизненный цикл.

[1] *Трубецкой Е. Н.* Воспоминания. София. 1922.

[2] *Бердяев Н. А.* Самопознание. Париж, 1949. С. 149—150.

[3] *Алексеев Н. Н.* В бурные годы. Гл. II. Два года за границей. С. 1 (ИНИОН).

[4] Гавриил Осипович Гордон (8. V. [26. IV.] 1885, Спасск — ?) в 1903—1909 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1906—1907 и летом 1909 г. слушал лекции и участвовал в семинарах на философском факультете Марбургского университета у Г. Когена (по истории древней и новой философии), П. Наторпа (по логике, психологии и педагогике) и Н. Аха (по экспериментальной психологии). Впоследствии, в 1920 г., был избран профессором Тамбовского университета, с весны 1921 г. переведен в 1 Московский университет (профессор факультета общественных наук). С 1924 г. состоял редактором педагогической энциклопедии «Педагогические курсы на дому». Член ВКП(б), сотрудник ГАХНа (Государственной академии художественных наук), с 1929 г. в ссылке. Дальнейшая судьба неизвестна.

[5] *Мюллер-Фрейенфельс Р.* Философия XX столетия в ее главных течениях. Берлин, 1923. С. 24.

[6] *Фахт Б. А.* О деятельности и философии С. Н. Трубецкого // Вопр. философии и психологии. 1906. № 81.

[7] *Яковенко Б. В.* О современном состоянии немецкой философии, «Логос». М., 1910. Кн. 1.

[8] *Белый А.* Начало века. Л., 1933. С. 350—351.

[9] См.: *Преображенский В. П.* «Кантовская теория эстетики» Когена // Вопр. философии и психологии. 1989. № 1. С. 95—98.

[10] См.: *Зеньковский В. В.* Платон в истолковании Наторпа // Там же. 1900. № 65.

[11] *Гурлянд А.* Герман Коген и его философское обоснование еврейства. Пг., 1915. С. 8—9.

[12] Из книг Наторпа переведены: Логика (СПб., 1909); Философия как основа педагогики (М., 1910); Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности (СПб., 1911); Философская пропедевтика: Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии (М., 1911); Культура народа и культура личности (СПб., 1912); одновременно та же работа под названием «Развитие народа и развитие личности» (СПб.., 1912); Песталоцци. Его жизнь и его идеи (СПб., 1912. 1-е изд.; 1918. 2-е изд.; 1920. 3-е изд.). Кроме того, такие существенные для его творчества статьи, как «Кант и марбургская школа» (Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сб. 5); «Философия и психология» (Логос. 1914. № 1; «Принцип относительности» (Сб.: «Пространство и время». СПб., 1911).

[13] Гадамер, как и Фохт, видел важнейшее отличие Наторпа от Когена в формулировке идеи всеобщей логики. Выражается она в единстве теории и практики. «Осуществление этого единства не в корреляции субъективных и объективных методик, что проводилось в его „Всеобщей психологии", а в более широкой и существенной корреляции мышления и бытия, которая осуществляет и обосновывает бесконечное продолжение методических определений. Но и эта корреляция не последняя, а предполагает их исходное, „неразрывное" единство... т. е. действительность как тотальную определенность, как первоконкретное мысли» (*Gadamer H. G.* Die Philosophische Bedeutung Paul Natorp // *Natorp P.* Philosophische Systematik. Hamburg, 1958. S. XIII).